

Широко известна хрестоматийная статья В. Маяковского «Как делать стихи?», которая изучается, постоянно цитируется и действительно служит незаменимым советчиком для начинающих поэтов. Да и не только для них. Но кроме этой нестареющей обобщающей работы, Маяковский написал множество статей, заметок, произнес десятки речей, где так или иначе касался вопросов литературного мастерства, рассуждал о призвании поэта, а главное — о гражданской позиции советского литератора, борца за построение нового общества.

«Литературная Россия» публикует часть этих высказываний, наиболее характерных для поэта и еще раз подчеркивающих его преданность общепролетарскому делу и литературе как его части.

МАЯКОВСКИЙ О ЛИТЕРАТУРЕ

Для нас, мастеров слова России Советов, маленькие задачки чистого стиходелания отступают перед широкими целями помощи словом строительству коммуны.

Для Хлебникова слово — самостоятельная сила, организующая материал чувств и мыслей. Отсюда — углубление в корни, в источник слова, во время, когда название соответствовало вещи. Когда возник, быть может, десяток коренных слов, а новые появлялись как падежи корня (склонение корней по Хлебникову) — напр., «бык» — это тот, кто бьет; «бик» — это то, куда бьет (бык). «Лыс» то, чем стал «лес»; «лось», «лис» — те, кто живут в лесу.

Хлебниковские строки —

Леса лысы.

Леса обезлосили. Леса обезлосили —

не разорвешь — железная цепь.

А как само расплзается —

Чуждый чарам черный челн

Бальмонт.

Слово в теперешнем его смысле — случайное слово, нужное для какой-нибудь практики. Но слово точное должно варьировать любой оттенок мысли.

Иностранщина из учебников, безобразная безобразность до сих пор портит язык, которым пишем мы. А в это время поэты и писатели, вместо того чтоб рукозодить языком, забрались в такие заоблачные выси, что их и за хвост не вытащишь. Открываешь какой-нибудь журнал — сплошь испещрен стихами: тут и «жемчужные зубки», и «хитоны», и «Парфенон», и «грезы», и чорт его знает, чего тут только нет.

В поэтической работе есть только несколько общих правил для начала поэтической работы. И то эти правила — чистая условность. Как в шахматах. Первые ходы почти однообразны. Но уже со следующего хода вы начинаете придумывать новую атаку. Самый гениальный ход не может быть повторен при данной ситуации в следующей партии. Сбивает противника только неожиданность хода.

Совсем как неожиданные рифмы в стихе.

...Почти правило: для делания поэтической вещи необходима перемена места или времени.

Точно так, например, в живописи, зарисовывая какой-нибудь предмет, вы должны отойти на расстояние, равное тройной величине предмета. Не выполнив этого, вы просто не будете видеть изображаемой вещи... Хорошо начинать писать стих о первом мае этак в нояб-

ре и в декабре, когда этого мая действительно до зарезу хочется.

Время нужно и для выдержки уже написанной вещи. Все стихи, которые я писал на немедленную тему при самом большом душевном подъеме, нравившиеся самому при выполнении, все же через день казались мне мелкими, несделанными, однобокими. Всегда что-нибудь ужасно хочется переделать.

«А ЧТО ВЫ ПИШЕТЕ?» —

с таким вопросом обращается каждый хроникер к каждому писателю. Впрочем, и не к писателю тоже. Сейчас, на мой взгляд, печатается больше, чем пишется. Не сразу разберешь, где кончается поэзия и где начинается ведомственный отчет, только на всякий случай зарифмованный. Одна печатаемая ерунда создает еще у двух убеждение, что и они могут написать не хуже. Эти двое, написав и будучи напечатанными, возбуждают зависть уже у четырех. Писатели множатся, как баццлла, — простым делением: был писатель, стало два. Ошалеший редактор печатает все, заботясь лишь о порядке очереди. И, глядя на первого встречного, хроникер вправе предполагать, что и этому придет очередь, и у хроникера, естественно, рождается вопрос: а что вы пишете?

Я не голосую против книги. Но я требую пятнадцать минут на радио. Я требую, громче чем скрипачи, права на граммофонную пластинку. Я считаю правильным, чтобы к праздникам не только помещались стихи, но и вызывались читатели, чтецы, раб-читы для обучения их чтению с авторского голоса.

Ноющее делать легко, — оно щиплет сердце не выделкой слов, а связанными со стихом посторонними параллельными ноющими воспоминаниями. Одному из своих неуклюжих бегемотов-стихов я приделал такой райский хвостик:

Я хочу быть понят мойей страной,
а не буду понят —

что ж?!

По родной стране
пройду стороной,

как проходит

косой дождь.

Несмотря на всю романсовую чувствительность (публика хватается за платки), я эти красивые, подмоченные дождем перышки вырвал.

Газета не только не располагает писателя к халтуре,

а, наоборот, искореняет его неряшливость и приучает его к ответственности.

Чистое поэтическое толстожурнальное произведение имеет только один критерий — «нравиться». Работа в газете вводит поэта в другие критерии — «правильно», «своевременно», «важно», «обще», «проверено» и т. д. и т. д.

Что я думаю о своих пьесах.

Мне рассказывали:

В трамвай сел человек, не бравший билета и старающийся обжудить дорогу. Заметивший кондуктор изругался:

— Эх ты, жулик, шантрапа, сволочь... клоп Маяковского...

Пригодившееся для жизни и вошедшее в жизнь определение было лучшей и приятнейшей рецензией на мою пьесу.

Работа поэта революции не исчерпывается книгой. Митинговая речь, фронтовая частушка, агитка-однодневка, живой радиоголос и лозунг, мелькающий по трамвайным бокам, — равные, а иногда и ценнейшие образцы поэзии.

...Когда ты даешь революционную боевую песню, то помни, что мало в этой песне дать случайное выражение, которое подвернется под руку, а подбирай слова, которые выработали для тебя поколения предыдущей литературы, чтобы два раза не делать одной и той же работы. Вообще в России издавна было, что каждый год кто-нибудь приносил часы, вновь изобретенные в Сибири. Занятие с точки зрения изобретательности очень ценное, но не изобретайте тех часов, которые изобретены до вас. Поэтому не бивайте в головы всей той чепухи, которая не годна ни для страниц газеты, ни для митинга, ни для революционного праздника. Используйте для этого, как материал, лучших шлифовщиков, лучших слесарей слова.

Разрешите сказать два слова о своем поэтическом ремесле. У меня большой зуд на писание сатирических вещей. Никто этих вещей даже и запрещать не станет. Но у нас сатирических журналов очень мало, да и они загружены материалом, а в газету ни один редактор стихотворения не пустит, потому что считает их вообще ерундой. Исключение составляет только Демьян Бедный. Приложены ли какие-нибудь усилия для того, чтобы создать из стихотворца фельетониста? А ведь мы знаем, что и стихотворный фельетон настолько может выхлестать человека, что за год вперед будет сквозь брюки красное мясо просвечивать.

Газетного фельетониста, прозаического и поэтического, нужно обязательно создать. Только тогда у нас будет материал для сатирических журналов.

Вопрос о форме — важнейший вопрос. А сейчас что получается? Форма и обработка сырого словесного материала объявлена чорт знает чем, чуть не белой вещью! Кем объявлена?.. Я перечитываю с постоянным удовольствием речь т. Калинина, и мы ее перепечатаем в «Лефе» от строчки до строчки, потому что в ней указано, что нужно знать технологию своего ремесла, знать свою работу. То же самое в области поэзии.

Я заявляю сегодня и проведу это в жизнь: я пойду в ближайшие дни на большое предприятие Москвы, соберу ребят, которые занимаются корявым писанием, переделыванием фактов в рифмы, <но> не занимаются насущной жизнью на заводе, и постараюсь сделать такую же работу, как ТРАМ, — создать поэму «Электрозавод». Не только поэму Маяковского, как есть, а передав мысли и чаяния лучшей части, авангардной части этого завода.

Книжная графика

Из иллюстраций художника В. НОСКОВА к поэме Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Издательство «Советская Россия».

